

О странствующих и путешествующих

Автор:

[Аркадий и Борис Стругацкие](#)

О странствующих и путешествующих

Аркадий и Борис Стругацкие

Полдень, XXII век Благоустроенная планета #7

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий

О странствующих и путешествующих

Вода в глубине была не очень холодная, но я всё-таки замёрз. Я сидел на дне под самым обрывом и целый час осторожно ворочал головой, всматриваясь в зеленоватые мутные сумерки. Надо было сидеть неподвижно, потому что септоподы – животные чуткие и недоверчивые, их можно отпугнуть самым слабым звуком, любым резким движением, и тогда они уйдут и вернуться только ночью, а ночью с ними лучше не связываться.

Под ногами у меня копошился угорь, раз десять проплывал мимо и снова возвращался важный полосатый окунь. И каждый раз он останавливался и тарасил на меня бессмысленные круглые глаза. Стоило ему уплыть – и появлялась стайка серебристой мелочи, устроившая у меня над головой пастбище. Колени и плечи у меня окоченели совершенно, и я беспокоился, что Машка меня не дожждётся и полезет в воду искать и спасать. Я в конце концов до того отчётливо представил себе, как она сидит одна у самой воды и ждёт, и как ей страшно, и как хочется нырнуть и отыскать меня, – что совсем было решился вылезать, но тут наконец из зарослей, шагах в двадцати справа выплыл септопод.

Это был довольно крупный экземпляр. Он появился бесшумно и сразу, как привидение, округлым серым туловищем вперёд. Белёная мантия мягко, как-то расслабленно и безвольно пульсировала, вбирая и выталкивая воду, и он слегка раскачивался на ходу сбоку на бок. Концы подобранных рук, похожие на обрывки большой старой тряпки, волочились за ним, и тускло светилась в сумраке щель прикрытого веком глаза. Он плыл медленно, как и все они в дневное время, в странном жутковатом оцепенении, неизвестно куда и непонятно зачем. Вероятно, им двигали самые примитивные и тёмные инстинкты, те же может быть, что управляют движением амёбы.

Очень медленно и плавно я поднял метчик и повёл стволом, целясь в раздутую спину. Серебристая мелочь вдруг мотнулась и пропала, и мне показалось, что веко над громадным остекленным глазом дрогнуло. Я спустил курок и сразу же оттолкнулся от дна, спасаясь от едкой сепии. Когда я снова взглянул, септопода уже не было видно, только плотное иссиня-чёрное облако расходилось в воде, заволакивая дно. Я вынырнул на поверхность и поплыл к берегу.

День был жаркий и ясный, над водой висела голубая парная дымка, а небо было пустым и белым, только из-за леса поднимались, как башни, неподвижные сизые груды облаков.

В траве перед нашей палаткой сидел незнакомый человек в пёстрых плавках и с повязкой через лоб. Он был загорелый и не то чтобы мускулистый, но какой-то невероятно жилистый, словно переплетённый канатами под кожей. Сразу было видно до невозможности сильный человек. Перед ним стояла моя Машка в синем купальнике – длинноногая, чёрная, с копной выгоревших волос над острыми позвонками. Нет, она не сидела над водой, ожидая в тоске своего папу, – она что-то азартно рассказывала этому жилистому дядьке, всю показывая руками. Мне даже стало обидно, что она и не заметила моего появления. А дядька заметил. Он быстро повернул голову, всмотрелся и, заулыбавшись, потряс раскрытой ладонью. Машка обернулась и обрадованно заорала:

– А, вот он ты!

Я вылез на траву, снял маску и вытер лицо. Дядька улыбался, разглядывая меня.

– Сколько пометил? – спросила Машка деловито.

– Одного. – У меня сводило челюсти.

– Эх ты, – сказала Машка. Она помогла мне снять аквастат, и я растянулся на траве. – Вчера он двух пометил, – пояснила Машка. – Позавчера четырёх. Если так будет, лучше прямо перебираться к другому озеру. – Она взяла полотенце и принялась растирать мне спину. – Ты похож на свежемороженого гусака, – объявила она. – А это Леонид Андреевич Горбовский. – Он астроархеолог. А это, Леонид Андреевич, мой папа. Его зовут Станислав Иванович.

Жилистый Леонид Андреевич покивал, улыбаясь.

– Замёрзли, – сказал он. – А у нас здесь так хорошо – солнце, травка...

– Он сейчас отойдёт, – сказала Машка, растирая меня изо всех сил. – Он вообще весёлый, только замёрз сильно...

Было ясно, что она тут про меня наговорила всякого и теперь изо всех сил поддерживает мою репутацию. Пусть поддерживает. У меня не было времени этим заниматься – я стучал зубами.

– Мы с Машей здесь очень за вас беспокоились, – сказал Горбовский. – Мы даже хотели за вами нырять, но я не умею. Вот вы, наверное, даже не можете представить себе человека, которому ни разу не приходилось нырять на работе... – Он опрокинулся на спину, повернулся на бок и подпёрся рукой. – Завтра я улетаю, – сообщил он доверительно. – Просто не знаю, когда мне снова случится полежать на травке у озера и чтобы была возможность понырять с аквастатом...

– Валяйте, – предложил я.

Он внимательно посмотрел на аквастат и потрогал его.

– Обязательно, – сказал он и лёг на спину.

Он заложил руки под голову и смотрел на меня, медленно помаргивая редкими ресницами. Было в нём что-то непобедимо располагающее. Не знаю даже, что именно. Может быть, глаза – доверчивые и немного печальные. Или то, что ухо у

него оттопыривалось из-под повязки как-то очень уж потешно. Насмотревшись на меня, он перевёл глаза и уставился на синюю стрекозу, качающуюся на травинке. Губы у него нежно вытянулись дудкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/strugackie_arkadiy-i-boris/o-stranstvuyuschih-i-puteshestvuyuschih

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)